

18+

Ирина Бухарина

**КАЮЩИХСЯ
ГРЕШНИКОВ
НЕЛЬЗЯ
ОТТАЛКИВАТЬ**

Ирина Бухарина

**Кающихся грешников
нельзя отталкивать**

«Издательские решения»

Бухарина И.

Кающихся грешников нельзя отталкивать / И. Бухарина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530844-3

Как часто слепо любящие матери лучше знают, какой должна быть жена их сына. А сыновья, боясь послушаться суровых матерей, идут у них на поводу. Раскаяние приходит поздно, но любимые женщины не прощают и только через годы понимают, что всё могло быть иначе, ведь кающихся грешников нельзя отталкивать. Об этом повесть Ирины Бухариной «Кающихся грешников нельзя отталкивать». Кроме неё в книге несколько рассказов о любви, об эмоциях и поступках любящих мужчин и женщин.

ISBN 978-5-00-530844-3

© Бухарина И.
© Издательские решения

Содержание

О, параллельные!	6
Надежда	10
Ссора	15
Ностальгия	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Кающихся грешников нельзя отталкивать

Ирина Бухарина

© Ирина Бухарина, 2021

ISBN 978-5-0053-0844-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О, параллельные!

Они жили втроём в большой трёхкомнатной квартире. Жили вроде бы вместе, но как-то параллельно друг другу. Их прямые со временем перестали пересекаться, у каждого была своя.

Жена, достигнув к предпенсионному возрасту должности руководителя небольшого коллектива, командовала им так рьяно, что перенесла часть своего руководства на семью. Придя с работы вечером, она демонстративно устало клонила голову на руку, опершись ею о стол, и любила повторять:

– Как всё-таки нелегко руководить народом.

Дома её народом был муж. По сравнению с некоторыми её подчинёнными на работе он выполнял команды беспрекословно. Но почему-то это не успокаивало, а, как в сказке Пушкина «О рыбаке и рыбке», пуще прежнего супруга ярилась и не давала мужику покоя.

Постепенно в его понимании жена стала просто каким-то орудием репрессий, направленных на него. За любую провинность она сначала навешивала на него клеймо «врага народа», за которым следовало законное наказание. Она напоминала ему сталинскую тройку времён исторических репрессий, которая расправлялась с народом безжалостно и беспощадно.

За невынесенное вовремя ведро с мусором он получал клеймо бесхозяйственного бездельника, забыв купить хлеб по дороге с работы, он становился дырявой башкой, а за ужасный проступок – потерю мобильного телефона – удостоился длинной формулировки, она назвала его тупым идиотом, только и умеющим разбазаривать ценные вещи.

Но и это можно было стерпеть, а вот последующее за этим наказание в виде дней, недель, а то и месяцев без права общения вынести было почти невозможно. Она вела себя с ним как с настоящим врагом народа – просто не замечала его существования рядом. Она не отвечала на его вопросы, если он пытался с ней заговорить, не готовила еду, отводила взгляд, если он вставал на её пути. Он уходил гулять один по соседнему парку, бродил часами и всё пытался разобраться, что происходит и как началось это их взаимное в общем-то отталкивание.

Интересно, что облако репрессий со стороны матери практически не касалось сына. Его прямая была ровной и чёткой – институт, любимая девушка, на которой он собирался жениться, армия, престижная работа, которую он подыскивал уже сейчас. Ему было не до родителей. Его параллель ушла далеко вперёд, и он даже не собирался оглядываться на жизнь своих стариков, главное, что они рядом.

Только так называемый «глава семьи» плёлся где-то в хвосте, и его параллельная прямая напоминала скорее слегка волнистую линию, будто проведённую рукой ребёнка. Она то немножко изгибалась в сторону руководящей силы, то пыталась примкнуть к блоку беспартийной молодёжи. Но так или иначе, если начертить эту схему на бумаге, сразу бы было видно, что две линии твёрдо и уверенно идут своим курсом, а средняя неуверенно пытается лавировать между ними, портя симметричную картину.

Сын получил диплом, поцеловал любимую, пообещав свадьбу через год, и отправился отдавать долг родине. Жену подсадила какая-то лучшая подруга, и её, готовую пахать и пахать на ниве руководства до гробовой доски, с почётом выдворили на пенсию. Вскоре, видимо, от отчаяния она увлеклась эзотерическими практиками и однажды заявила мужу, что уезжает на несколько месяцев в Индию, то ли на Гоа, то ли на Бали, он так и не понял. Главное, что её повёл за собой какой-то гуру, обещавший светлое будущее на всю оставшуюся жизнь.

Когда он остался в квартире один, то сначала порадовался – допоздна смотрел боевики, которые она терпеть не могла, да, если честно, и он тоже. Смотрел просто так, потому что никто не орал:

– Выключи телевизор! Спать пора.

Питался бутербродами, грязную посуду копил в раковине, чтобы помыть её разом.

Хватило на несколько дней. Потом на душе появилась какая-то тягость. Он чувствовал, что и сейчас, когда жены нет дома, он хочет делать что-то ей назло.

– Зачем нам такая жизнь, если мы не можем существовать рядом? – думал он.

Неожиданно в голову пришла гениальная идея:

– А что если, пока никого нет дома, разменять квартиру и жить всем отдельно.

Эта мысль настолько его заела, что он пригласил риэлтора, чтобы понять возможность такого обмена.

Ушлая тётка со знанием дела осмотрела их просторную сталинку и заявила:

– Ремонт давно не было. Это минус. Большая площадь – это плюс. Но при всём при этом должна вас огорчить, что на три однокомнатных вам не поменяться. Могу предложить так: двушка и однушка в одном районе. Получится скорее всего, что одна будет приличная, а другая немного убитая. Есть несколько вариантов.

С неделю он бегал, смотрел квартиры. Наконец остановил выбор на двухкомнатной квартире с отдельными комнатами и «убитой», как говорят риэлторы, однушке, зато с большим балконом.

– Жена любит выращивать цветы, – зачем-то вспомнил он.

А жена не звонила, и он решил, что своим обменом сделает ей сюрприз. Что за этим последует, ему было уже неважно. С сыном он созвонился, и тот идею одобрил. Он объяснил ему, что рассуждал так:

– В двушке останутся жена и сын. Если сын женится, будут жить в отдельных комнатах. Если вдруг жена не захочет жить с невесткой, пусть едет в однушку, а уж он —то сам хоть с кем уживётся. На худой конец, можно отдать детям однокомнатную, а самим жить по-прежнему. Правда, этот вариант нравился ему меньше всего – зачем тогда было огород городить?

В обеих квартирах надо было делать ремонт. В двухкомнатной, слава богу, небольшую косметику. Он нанял бригаду, и мужики быстро и ловко привели в порядок потолки, поклеили новые обои, покрасили слегка покоцанные дверные косяки. Он привёз туда мебель и вещи жены и сына, расставил, как мог, оставив многое в коробках, распахав их в сторонку. В общем, как уж сумел, придал квартире товарный вид.

С однушкой пришлось потрудиться больше. У него были деньги. Чтоб реже бывать дома, он набрал себе часы в нескольких институтах, носился по городу на своей старенькой «Нивке», так что ремонт можно было делать, не скупясь. Ремонтники первым делом взялись за скрипучий паркет, потом поменяли старые деревянные рамы на пластиковые, поставили современную сантехнику. И квартира засияла новизной. Двухспальную кровать он угнездил в большом проёме за дверью, закрыл её плотной навесной портьерой, получилась маленькая спальня.

– Свет мешать не будет, если я за компьютером засижусь, – неожиданно вошла в голову странная мысль. – Да кому он там мешать будет? – тут же одёрнул сам себя и даже распахнул пошире портьеру.

Сын, видимо, сообщил матери о сюрпризе. Она сама позвонила мужу перед возвращением и, что удивительно, не ругалась, сказала только:

– Завтра прилетаю. Встреть меня.

Когда он приехал в аэропорт, поразился, почти не узнав жену в помолодевшей, загорелой, какой-то будто бы чужой женщине.

– Надо же, как можно измениться за несколько месяцев, – подумал он, – может, и характер изменился тоже, – прокралась осторожная мысль.

– Ну и куда ты меня повезёшь? – своим прежним руководящим тоном спросила жена.

– Посмотришь. Есть варианты. Где понравится, – он снова слегка оробел.

Он привёз её в двухкомнатную квартиру. Она осторожно вошла, огляделась, походив по комнатам и кухне, заглянула в санузел и неожиданно спросила:

– Ты что, решил развестись?

– Нет, – слишком быстро, пожалуй, ответил он. – Просто нам стало как-то трудно жить вместе. Но, если хочешь, переезжай в однушку, а я буду с сыном.

Он вопросительно посмотрел на неё, ждал очередного клейма и вердикта.

– Ладно, переночую здесь, там видно будет. Езжай, я устала.

Он уехал и только дома сообразил, что не оставил ей ключи. Звонить и получать очередной нагоняй не хотелось, но он всё же позвонил.

– Дверь же запирается изнутри, ну и чего ты меня будишь, я уже прикорнула. Привезёшь ключи завтра, – скомандовала она.

– Сейчас добавит – болван безмозглый, – он даже не клал трубку, ждал завершающего слова, но в трубке раздались гудки.

Ключи он смог привезти только в обед и снова ждал, что жена с порога начнёт пилить его за опоздание, а, может, вообще после вчерашнего не станет с ним разговаривать, схватит ключ и выпихнет в коридор. Он был готов ко всему. Она впустила его в квартиру, и он заметил, что вещи почти разобраны и всякие мелочи расставлены как-то по-другому.

– Значит, приживается, – подумал он и спросил осторожно, – ну как, ничего? Или не нравится?

– Да нормально, – почти одобрительно ответила она, – пойдёт.

Так они и стали жить. Он у себя, она у себя. Он жил так, как ему нравится – сидел часов до трёх ночи у компьютера, спал, если не было лекций, до двенадцати, не спеша делал зарядку, завтракал где-то в два. Правда, через какое-то время ощутил как бы сбой с прежнего ритма. Утром его часто будили звонки коллег или студентов, он понимал, что рабочий день давно начался, и все уже заняты своими делами, но никак не мог поднять себя с постели. Ночью стал замечать, что начиная читать аналитику, перескакивает на какую-то ерунду, совершенно ему не нужную. Думал:

– Да, жена бы меня, пожалуй, привела в норму.

С женой они иногда перезванивались, так, по-деловому: как дела, как здоровье. Однажды он сказал:

– У меня такой классный балкон, ты бы мне посадила какие-то цветы что ли.

– Да пожалуйста. Покажи сначала, что за балкон.

Когда они вошли в квартиру, она, увидев чистоту и порядок в прихожей, сказала:

– А у тебя тут неплохо.

А когда зашла в комнату, увидела довольно аскетичный интерьер: телевизор, небольшой диван, книжный шкаф. Тут же спросила удивлённо:

– Ты что, спишь на этом диване?

– Нет, конечно.

Он распахнул тяжёлую портьеру, за которой стояла большая двуспальная кровать.

– Ничего себе, – ахнула жена, – это же ещё почти одна комната, – здорово устроился. Ну давай показывай свой балкон.

Здесь ей понравилось ещё больше. Балкон выходил в уютный зелёный скверик, залитый солнцем. Фигурные каменные балясины, как почти во всех сталинках, живописно белели на фоне зелени деревьев. Он уже купил ящички и горшки для растений. Она попереставляла их так и эдак и заявила:

– В воскресенье едем на садовый рынок.

На рынке она долго выбирала какую-то рассаду, и вскоре на балконе запестрели фиолетовые, розовые и белые петунии, засияли рыжие бархатцы, полезли другие, не известные ему растения. А когда темнело, в воздухе разливался неповторимый томный аромат ночной фиалки.

Из армии пришёл сын и чуть ли не с порога заявил, что женится. Милую девочку Наташу и её родителей они знали, так что никаких возражений не было. И скоро дети стали жить вместе в одной из комнат двушки.

Однажды вечером жена неожиданно появилась у него на пороге.

– Ты чего так поздно? – удивился он.

– Да знаешь, они там шушукаются, бегают туда-сюда, как будто меня не замечают, целуются, я им, наверно, мешаю. Как-то грустно стало. – Жена и впрямь выглядела какой-то жалкой.

– Ну проходи. Я телик смотрю, про рыбалку.

– Я тоже люблю этот канал, – сказала жена.

– Неужели? С каких это пор, – удивился он, – не знал.

Они сели рядом на диване. Она положила голову ему на плечо. На экране перед ними проплывали невиданные заморские рыбы. Заморские же рыбаки ловили их и, осторожно снимая с крючка, возвращали в воду.

– Зачем они их отпускают? – спросила жена.

– А ты думаешь, надо поймать и обязательно съесть, – засмеялся он.

– А что? Отпустить и снова поймать? – задумчиво сказала жена.

– Не знаю. Я, когда ловлю, не отпускаю, – ответил он.

– А может, мне переехать к тебе, – вдруг заявила жена, – у тебя вон какая кровать большая.

– Давай, переезжай, а то я всё время забываю твои цветы поливать.

– Эх ты, башка дырявая, – нежно сказала она и погладила его по слегка поредевшей седой шевелюре.

Надежда

Мы познакомились в роддоме. Хотя говорить о знакомстве, наверное, сложно, поскольку эта Надежда, кажется, так и не запомнила тогда моего имени. Я была ей не интересна, так же, как ещё трое девиц в нашей палате, которые мечтали о детях – двое, в том числе и я, лежали на сохранении, ещё одна – на контроле после проведённого ЭКО. Пятой пациенткой была уже взрослая женщина, лет за сорок, не знаю даже по какому поводу, но вот с ней-то у Надежды сложились какие-то дружеские взаимоотношения.

Дело в том, что Марина Даниловна была преподавателем вуза, который окончила Надежда и где ещё учился её то ли муж, то ли кавалер, от которого она собиралась делать аборт. О чём ей было разговаривать с нами, юными, тупыми, на её взгляд, мамашами, уже имеющими по одному ребёнку и всеми силами старающимися приобрести ещё по одному чаду.

Когда она негромко разговаривала с Мариной, мы всё равно слышали, как она рассуждала о том, что жизнь так многообразна и прекрасна, что отдавать её на заклятие семье и детям просто глупо. Вот она единственная дочь у родителей. Они воспроизвели её на свет довольно поздно и ничуть об этом не жалеют. Зато путешествовали, переезжали с места на место, и ничего их не обременяло. Они театралы, книгочеи, и она тоже любит именно такой образ жизни.

Я, любительница читать всё подряд, выписывающая толстые журналы и изучающая их от корки до корки, наивно поинтересовалась, а как она относится к последнему роману Даниила Гранина «Зубр», на что получила ответ:

– Я такие вещи не люблю.

– А кого же из писателей вы любите? – с удивлением спросила я, зная, что читающий народ как раз только и обсуждал этот роман.

– Я люблю Писарева, – с вызовом ответила Надежда, то ли ёрничая, то ли придумав такой ответ для отмазки тем, кто интересуется её внутренним миром, выбрав своим кумиром мализвестного и малочитаемого современной публикой автора.

Я-то, будучи начинающим специалистом с филологическим дипломом, Писарева когда-то читала и не представляла себе, что можно любить этого полуписателя – полупублициста девятнадцатого века, как мне представлялось. Но вообще-то ответ произвёл на меня впечатление, и я подумала, что если девица с техническим образованием увлекается такой литературой, то это заслуживает уважения.

Узнав, что я работаю корреспондентом в молодёжной газете, она всеми силами старалась принизить мой статус, мелко издеваясь и над моей внешностью, мол, надо бы похудеть, и над моим будущим положением многодетной матери, потому что так карьеру не сделаешь, и над моим следованием стереотипам – все читают Гранина, и я туда же. Надежда всеми силами намекала, что она другая.

Она, действительно, хоть и была почти моего возраста, разительно отличалась и от меня, и от моих соседок по палате. Высокая и стройная, она не напялила, как мы все, больничный бесформенный халат, а принесла из дома что-то вроде пижамы, шёлковый нарядный костюмчик. Нам велено было больше лежать и мы лежали с невымытыми, нечёсанными как следует волосами, а она встряхивала короткой стрижкой и всё время бегала куда-то по коридору, кажется, курить. В общем, по всему было видно, что никакая многодетность её не ждёт, а светит впереди только яркая блестящая будущность.

Ко всем нам почти ежедневно приходили мужья, приносили передачи, посылали записки, потому что спускаться вниз при угрозе выкидыша нам не разрешали, а их в палату не пускали. И бедные мужики сначала выкрикивали нас с нашего третьего этажа, потом какое-то время

маячили под окнами, изображая поцелуи, объятия и приговаривая что-то почти неслышное с высоты.

Марина Даниловна часто рассказывала о своём муже – руководителе городского уровня, он вечно был занят и только вечерами звонил ей на пост медсестры. Однажды в тихий час, когда обычно посетителей не бывает, под нашими окнами кто-то стал выкрикивать какое-то имя и номер палаты. Слышно было плохо, прийти к нам никто не должен. Моя кровать стояла у окна, и я всё же выглянула посмотреть, кто там такой настырный. Марина Даниловна тоже просто так спросила:

– Ну кто там надрывается?

– Да мужик какой-то, на наши окна смотрит, – отвечаю я.

– А как он выглядит? – вдруг заинтересовалась Марина.

– Старый такой, лысоватый, – говорю я ничтоже сумняшеся.

Марина Даниловна вдруг вскакивает с кровати, подбегает к окну и машет мужику руками, потом срывается и бежит в коридор, на ходу ошарашивая меня фразой:

– Верочка, ну какой же он старый.

Я, понимая, как оконфузилась, долго не могла прийти в себя от стыда, и зареклась с тех пор говорить людям о возрасте. Но не смотря на это, прокальзывалась всё-таки часто. Что тут поделаться: тем, кому нет тридцати, все, кто старше, сорока и тем более пятидесяти-шестидесятилетние люди кажутся глубокими стариками. Однажды на работе в беседе с одним очень пожилым сотрудником я рассказала, что моя бабушка заболела. Он спросил меня:

– А сколько вашей бабушке лет?

И я, молодая, бестолковая дура, ответила:

– Ой, вы знаете, она уже очень старая, ей где-то лет шестьдесят.

Старик посмотрел на меня с укоризной и таким же тоном, как Марина Даниловна в тот раз, сказал:

– Очень старая? Верочка, а вы знаете, сколько мне лет?

Он не стал уточнять, повернулся и ушёл. Эх, только сейчас, с высоты прожитого, я начинаю понимать тех, кого я обижала своей невольной наивностью. Теперь сама порой испытываю их чувства.

В общем, в больницу приходили ко всем, только к Надежде, кажется, никто ни разу не пришёл. Я не подслушивала, но слышала, как она шепталась с Мариной о каком-то прекрасном Саше. Этот Саша учился в аспирантуре где-то, кажется, в Самаре. Марине Даниловне скрывать было нечего и она вслух тоже расхваливала этого Сашу, который прежде учился в их институте, был отличником, активистом, красавцем, короче, почти как та самая кавказская пленница. И хотя Марина тонко намекала Надежде, что пора бы и детей заводить, та твердила, что сейчас это невозможно, Саше надо учиться, делать карьеру, а ей самой хочется пожить культурной жизнью, найти себя. Она после окончания института уже несколько лет искала работу, хотела найти что-то творческое, интересное, а пока в жизни помогали родители и Саша.

Меня выписывали раньше неё. Когда пришёл муж, Надежда крутилась рядом и, к моему удивлению, они поздоровались. Я стерпела и не спросила сразу, хотя очень хотелось узнать, откуда он знает эту фифу. Только дома безразлично поинтересовалась:

– А с кем это ты в роддоме поздоровался?

– Да это знакомая Сашки Коновалова. Помнишь, я тебе рассказывал, что мы вместе с ним жили на квартире у одной бабули, когда в политехе учились.

– Ну и как она тебе? – приставала я к мужу.

– Никак. Она же не ко мне приходила, а к Сашке. Как только бабуля к сыну отправится, а я из дома уйду или к родителям в Приволжск уеду, она тут как тут, видно, жила там с ним эти дни.

– А чего тогда не женились? – снова спрашиваю я.

- Ты-то сама откуда всё знаешь и по какому поводу интересуешься? – удивился муж.
- Она своей соседке про какого-то Сашу рассказывала, который теперь где-то в аспирантуре учится, поэтому надо подождать с ребёнком, и легла на аборт, – объяснила я.
- Не фига себе. Сашка-то ведь там в Самаре уже женился почти сразу, как туда приехал.
- А она, представляешь, всё надеется, что он сделает карьеру, и тогда они займутся личной жизнью. Нас троих даже крольчихами обозвала, мол, если так пойдёт, мы до старости ещё кучу детей нарожаем и будем дома сидеть да носы детям вытирать. Как-то так. Даже обидно было.
- Да дура она приставучая. Пристала тогда к Сашке, как репей, а сама кривляется, слова в простоте не скажет. Терпеть таких не могу, – наконец-то дал оценку Надежде мой благоверный.

Прошло лет пять. У меня всё складывалось удачно, дети ходили в садик, муж во всём помогал, я работала в отделе культуры приличного издания и однажды отправилась по приглашению на выставку местных фотохудожников. Выставка была так себе, я ходила в толпе гостей и пыталась высосать из пальца благожелательный репортаж.

Остановилась возле одного экспоната и слышу сзади разговор женщин, голос одной из которых показался мне знакомым.

- Сто лет не виделись, ты где пропала, всё ещё с Сашей?
- Нет, ты разве не знаешь, с ним случилось несчастье, – в голосе зазвучали горестные нотки, – мы только хотели пожениться, как он разбился на машине.
- Да ты что? – ужаснулась вторая дама. – А я ничего не слышала.
- Это было под Самарой. Такая беда.
- С кем же ты теперь? Одна? – поинтересовалась первая.
- Я, конечно, пережила депрессию, но, как говорится, восстала из пепла, – знакомый голос повеселел, – и решила полностью сменить образ жизни – поменять работу, друзей, научиться чему-то новому. Нельзя же всё время пребывать в тоске.
- Ну и чем ты теперь занимаешься? – снова спросила первая дама.
- Вон, видишь мужичка в кожаном пиджаке? Это мой спонсор, – с гордостью проговорила собеседница.
- Надька, ты в своём репертуаре. Это же Валентин Просвирнин, известный фотохудожник. Он твой спонсор? Это в каком смысле? – с иронией в голосе продолжала расспрашивать первая.
- Ну он помогает мне в искусстве фотографии, учит меня снимать, сказал, поможет устроиться на работу в галерею фотоискусств.

Подруга Надежды, а я уже давно поняла, что это была она, засмеялась:

- Спонсор, снимает... Слова какие-то скользкие. Он тебя голой ещё не снимал, а то засветишься тут на портрете.

Мне неприятно было слушать этот трёп, но я боялась повернуться, думала, что Надя меня узнает и будет неловко. Боком-боком я выбралась из толпы и ушла с этой никчёмной по большому счёту выставки.

Дома спросила мужа:

- Правда что ли, что этот Саша, с которым ты жил на квартире, разбился на машине насмерть?
- Правда. Это уже года два назад было. А ты-то откуда это узнала?

Я рассказала о подслушанном разговоре и пожалела бедную Надежду, которая всё гоношится, пытается выбиться в круг местной элиты, но на самом деле не знает, куда ей прийтись.

– Нашла кого жалеть, – ухмыльнулся муж, – она всегда останется на плаву и всегда будет думать, что вы все домашние клуши, а она парящая над миром вольная красивая птица.

– Хорошо сказал, – поразила я точности высказанной мужем характеристики, – наверное, так и есть.

Портрет голой Надежды в фотогалерее, слава богу, так и не появился. Видимо, фотограф, воспользовавшись её пока ещё стройной фигурой и относительной молодостью в личных целях, в качестве фотомодели девушку всё-таки не использовал и нашёл себе предмет помоложе.

Но, как ни странно, лет через десять, когда нам было уже под сорок, я снова встретилась с Надеждой, теперь уже нос к носу в нашем редакционном офисе. Вторая странность состояла в том, что Надя почему-то никогда не здоровалась со мной, проходя мимо, будто не узнавая, не смотря на мои лёгкие кивки приветствия.

Может быть, она и правда не узнавала меня, так же, как и я не узнала бы тех двоих однопалатниц из роддома, пройди они рядом. А может быть, ей просто не хотелось общаться со мной, знающей тайну её бездетности и одиночества. А может, она всё же в глубине души завидовала, напрогочив мне когда-то будущность многодетной матроны, погрязшей в быте, и понимала, что ошиблась, зная о моей удачно сложившейся карьере, прекрасной семье, добropорядочном муже и любимых детях.

Надежда стала появляться в нашем офисе всё чаще, меня это удивляло и я спросила приятельниц-коллег, что это за дамочка торчит у нас в редакционных коридорах.

– Да вы что, Вера Ивановна, не знаете? Это же очередная пассия нашего Сергея Кольцова. Вроде бы они вместе живут.

Сергей Кольцов. Один из ведущих журналистов города, импозантный, раскованный, поклонник и любимец женщин, очень и очень пьющий человек. Он развёлся уже три раза, оставив каждой жене по паре младенцев и, говорили, что снова ухлёстывает за молодой журналисткой из параллельного издания. При чём тут Надежда?

Я снова стала думать о ней. К сороковнику она оставалась такой же стройной, но уже не такой стильной, скорее обыкновенной – вечные джинсы, свитера. Всё та же короткая стрижка, но лицо приобрело какой-то красноватый, будто обветренный оттенок, кожа обтянула скулы, а щёки ввалились, но этот эффект, которого порой специально добиваются молодые девицы, не придавал ей молодости, скорее вызывал ощущение пожитости, не старости, а какой-то излишней взрослости. Я даже подумала, не пьют ли они вместе с Кольцовым по вечерам.

Не знаю. Но то, что ей нравилось появляться с ним на городских мероприятиях, в театре, на выставках и даже на наших редких корпоративных вечеринках, это было видно. Может быть, о такой жизни она мечтала. Только вот незадача, скоро наш любвеобильный Кольцов женился на юной корреспондентке, которая быстренько родила ему сына.

Какими были эмоции Надежды на этот раз, не известно. Возможно, мысленно она по привычке обзывала всех жён Кольцова, наплодивших ему детей, клушами и крольчихами, а, возможно, ждала, когда он в очередной раз разведётся и они пойдут по миру, нищие, ведь на алименты у Сергея уходила чуть ли не вся зарплата, зато примкнувшие к местному высокому бомонду.

Больше я Надежду не видела, потому что перебралась в Москву, работала в модном журнале и только изредка переписывалась по электронке с некоторыми из своих друзей. Как-то одна из подруг, только что отметившая полтинник, прислала мне фотографии со своей вечеринки по этому поводу. Подруга работала коммерческим директором книжного издательства, поэтому среди её гостей были сплошь местные знаменитости – известные журналисты, главные

редакторы газет и журналов и даже пресс-секретарь мэра города. И вдруг среди этой блистательной публики я увидела знакомое лицо. За столом сидела уже почти забытая мной Надежда.

Она была всё так же худа и стройна, только печать времени всё явственнее отражалась на её лице, она выглядела, как бы это помягче сказать, несколько потрёпанной жизнью. Кожа в лёгком макияже всё так же просвечивала краснотой, морщинки обрисовали глаза и губы. Всё тот же прикид – джинсы и свитерок в обтяжку, небольшой кулон на цепочке. А самое главное какой-то затравленный взгляд, она сидела за столом в одиночестве с ощущением то ли неприкаянности, то ли отстранённости от всего и от всех.

Я подумала:

– Надо же, пробились чуть ли не на самую вершину местного бомонда, может устроилась работать в издательство. Только куда исчезла эта ироничность взгляда, это видимое превосходство над окружающими. Ущемлённость в ней какая-то, будто ущербность или откуда-то взявшиеся комплексы.

Подруга позвонила, и мы с ней поболтали о её вечеринке, а потом я спросила:

– А как оказалась у тебя на банкете эта Надя, что жила одно время с нашим Кольцовым?

– Надька-то? Да я и сама не понимаю. Просто она ведь везде вхожа. И к нам всё ходила, намекала, что она фотохудожник и могла бы у нас работать, – отвечает подруга.

– Так ей ведь уже больше полтоса, она года на два старше нас, куда ей фотографом, – удивилась я.

– Да в том-то и дело, главное не умеет она не фига, только изображает из себя даму полусвета.

– Чего ж ты её пригласила? – снова спрашиваю я.

– Ну так как-то получилось. Я при ней сказала кому-то про день рожденья, а она сразу – что вам подарить? Ничего, говорю, не надо. Она спрашивает, а Кольцов там будет? Я говорю, что будет. А она и заявляет – тогда мы с ним вместе придём, он, мол, недавно развёлся и вернулся ко мне. Представляешь? Ну что я скажу? Говорю – хорошо, мол, приходите. Кольцов-то как раз и не явился, ушёл в очередной запой, а она тут как тут.

– Да, всю жизнь она, несчастная, себя ищет и, кажется, всё найти не может.

– Что ты, плохо её знаешь, Надька эта на банкете подцепила главного редактора рекламной газеты и с ним ушла, так что мы её ещё увидим.

А потом, отключив телефон, я думала о том, как странно складывается судьба. Красивая, ироничная, хваткая женщина, все время стремившаяся примкнуть к элитному обществу, оказалась совершенно одинокой на чужом празднике жизни. Жалее ли она о том, что не стала такой же «клушей», как многие из нас, сумевшие совместить семью и работу, мужа, детей и карьеру? И вдруг решила, а чего это я собственно о ней сокрушаюсь. Это у нас всё было, а у неё, может быть, всё ещё впереди. Какое символичное у неё имя – Надежда. Она и сейчас, на шестом десятке, не теряет надежды на своё светлое прекрасное будущее. Надежда не теряет надежду, наверное, это и есть её судьба.

Ссора

Сергеев поссорился с женой. Нельзя сказать, что они не ссорились раньше, всякое бывало за двадцать лет совместной жизни, ссорились, конечно, и даже ругались, злились друг на друга часа два, а потом как-то так получалось, что обида забывалась, впрочем, как и сам предмет ссоры, иногда даже и вспомнить не могли, с чего всё началось. Думали потом вместе, чего психовали, кто первый начал, то ли он выпивший пришёл, и она завелась, то ли сам на неё рассердился, что зачем-то перекрасила волосы в рыжий цвет, который он терпеть не мог. В общем, если разобраться, всё это мелочи. Но на этот раз что-то зацепило так, что жена заявила вдруг:

– Всё, ты мне надоел! Поеду отдохну от тебя к маме.

Сергеев вспомнил, что в молодости многие жёны, недовольные мужьями, тоже уезжают к маме, во всяком случае, так показывают в телесериалах. Но у них до такого никогда не доходило. Да и вообще, жили они мирно и дружно. Ссоры эти, о которых он вспоминал, были редкостью. Ему всегда казалось, что они с Машкой понимают друг друга с полуслова, а может быть, даже без слов – только он подумает о чём-то, а она тут как тут – то же самое вслух скажет.

Они оба любили свой дом, своих детей, которые уже выросли и жили отдельно. А когда-то они все вместе ездили на море, в лес по грибы, вместе строили дачу. С женой любили путешествовать по разным незнакомым местам. Не за границей, нет, здесь в России полно всего интересного. То поехали в поезде на Байкал, ехали неделю, смотрели на страну, день побыли на озере, попробовали легендарного омуля, полюбовались красотой и величием огромного водоёма и тут же отправились обратно. Как-то поехали на Валдай к истокам Волги, и потом путешествовали по реке от истоков до устья, а в другой раз по каналам из Волги в Питер. Они любили бродить пешком по Москве, открывая для себя знакомые по литературе места, а то и совсем не знакомые здания, но удивительно прекрасные в своей архитектуре прошлых веков.

Они читали одни книги, были завсегдатаями библиотек, музеев, новых выставок. А иногда просто гуляли по московским паркам, меняя маршруты – Нескучный, Измайлово, Сокольники, современный, полюбившийся им обоим Музеон.

Что же случилось? Почему вдруг такая ссора, перешедшая в её отъезд? Как всё началось? Он мучительно пытался понять, что произошло. Может быть, накопилась какая-то усталость? Может, при всём их взаимопонимании они наскучили друг другу, как-то отдалились?

Дома жена всё время занималась какими-то делами – готовила, возилась со стиральной машинкой, что-то вязала, зашивала, гладила. На прикроватной тумбочке всегда лежало несколько книг с закладками, читала то одну, то другую под настроение. В последнее время стала больше смотреть телевизор, то какие-то, на его взгляд, тупые сериалы, то канал «Культура», где вечно шли литературные беседы, старые спектакли.

Он пытался иронизировать над ней:

– Смотришь каналы для домохозяек?

В принципе вопрос был риторическим, ему было не так уж и важно, что там она смотрит, потому что у него появилась в последнее время другая страсть – интернет. Он и сам не заметил, как подсел на эту увлекательную штуку. Жена ворчала, что он, ещё не умывшись, хватался за компьютер, что часами сидит в туалете, забыв, зачем там оказался, потому что читал какую-то дребедень в своём гаджете.

Он оправдывал себя, что читает только ту информацию, которая нужна ему для работы, делал закладки на сайтах «Хорошие новости», «Новинки техники» и прочих. Но она, подходя к нему неслышно, когда он поздно вечером на кухне сидел уставившись на экран, видела, что читает он всё подряд.

– Неужели ты не понимаешь, что интернет – это помойка. И этими помоями ты забиваешь себе голову? – говорила жена.

- Ну ты же смотришь свои тупые сериалы, – реагировал муж.
- Я смотрю не все сериалы, есть среди них и неплохие, – парировала жена.
- А я читаю только то, что мне необходимо, – упирался муж.

Упрекать его в чём-то другом ей было сложно, да и невозможно, пожалуй. Он не пил, не курил, цветы, правда, не носил, но регулярно мыл за собой посуду, выносил ведро и часто ходил по магазинам. Ну а к тому, что капал кран на кухне и кое-где выщвели от времени обои, она уже привыкла. Кому сказать, не поверят – муж положительный, а жена наезжает, не даёт посидеть в интернете.

Ей хотелось обсудить прочитанную книгу, а он и не успел прочесть. Зато, когда пытался объяснить ей суть происходящих перемен в климате планеты, она почему-то не хотела его слушать. Она стала намекать ему, что человек, мало читающий художественную литературу, становится бездуховным. А он злился, считая себя вполне духовным человеком и говорил ей, что невозможно жить в современном мире, не понимая процессов, которые происходят вокруг.

Она издевалась и приводила в пример анекдот:

– Кто у вас глава семьи?

– Конечно, муж. Жена ведь моет, стирает, убирает, а он решает глобальные мировые проблемы.

В первые два дня, когда жена уехала, Сергеев даже не очень переживал, думал – отдохнёт от дома день-другой и вернётся. Еды она наготовила, дома стояла тишина, никто не мешал ему шерстить интернет – пандемия коронавируса, глобальное потепление, выборы президентов и парламентов, демонстрации феминисток и локальные войны, – столько всего происходит в мире.

Начитавшись, задумался, а что-то жена не возвращается и даже не звонит. Первому звонить не хотелось. Решил, не посмотреть ли телевизор, что там она находит всё время на канале «Культура». Он включил канал, где шла передача о поэте Евгении Винокурове, читали его стихи. Он стал слушать:

«Присядет есть, кусочек половиня,

Прикрикнет: – «Ешь!», я сдался – произвол.»

Он вдруг вспомнил и ярко представил, как жена, когда садится за стол обедать, берёт кусочек хлеба и, прежде чем есть, всегда разламывает его на две части. А он сам обычно долго возится – моет руки, достаёт специи, приносит из комнаты телефон. Тогда она, не вытерпев, прикрикнет, бывало – ешь давай! И он прекращает возню, берёт ложку и начинает есть.

А артист в телевизоре продолжал:

«Она гремит кастрюлями, богиня,

Читает книжку, подметает пол.»

Ему показались несочетаемыми слова богиня и пол, как-то это не совмещается, возвышенное «богиня», с таким обыкновенным «подметает пол». А сам тут же вспомнил, как просыпается по утрам от позвякивания посуды на кухне и на душе становится приятно от того, что она где-то рядом, варит кофе, напевая что-то тихонько.

И в результате следующая строка поэта поразила его совсем:

«Бредёт босая, в мой пиджак одета,

Она поёт на кухне поутру...»

Поэт как будто подслушал его мысли, а, может, это он угадал, что скажет автор стихотворения дальше – она поёт на кухне поутру. И поутру, и вечером, когда готовит ужин, подпевает включённому радио.

– Что это? Как можно в простых словах передать столько чувств, нарисовать такую картину, которая оказалась мне так близка, – думал Сергеев.

А дальше было совсем и непонятное, и трогательное одновременно:

«Любовь? Да нет! Откуда?! Вряд ли это.»

– Конечно, какая любовь, просто уже привычка, уже не юношеское восприятие, уже родство, совместное бытие, – более спокойно подумал Сергеев.

Но последняя строка стихотворения просто убила его своей простотой и правдой:

«А просто так: уйдёт – и я умру.»

В сердце что-то защемило, и Сергееву стало страшно. Он подумал, что так и есть, если жена уйдёт от него совсем, он просто не сможет жить без неё. И ещё он думал, какая сила в небольшом по сути стихотворении, которого он раньше никогда не слышал, какая удивительная правда.

Ему захотелось узнать, как называется это стихотворение. Передача уже закончилась, он не успел прочитать титры и стал придумывать название сам. Наверное, всё просто – «Жена». А, может быть, более возвышенно – «Богиня», ведь у автора прозвучало это слово, хоть и мимоходом как-то. А, может быть, Евгений Винокуров назвал стихотворение «Любовь». Потому что, хоть он и оговаривается, что вряд ли это, но ведь на самом деле это всё и есть любовь.

Он стал лихорадочно набирать в компьютере имя автора и долго искал так поразившее его стихотворение, потому что не точно запомнил первые строчки. И нашёл. Стихотворение называлось очень просто «Она». И Сергеев понял автора – это Она и жена, и любовь, и богиня, и та, без которой жизнь не в жизнь.

И такими мелкими и дурацкими увиделись ему их с Машкой ссоры, глупые обиды, представления друг к другу с ненужными вопросами и фраза эта её, сказанная назло, «Надоел ты мне», что он схватил телефон, набрал её номер и, услышав родной голос, тихо сказал:

– Машка, приезжай скорее, а то я без тебя умру.

Ностальгия

Поздно вечером, когда Лариса, убаюкав свою беспокойную дочку, могла, наконец, присесть к телевизору, она неизменно думала об одном. И как это так получается, что известные с детства киношные звёзды совсем не меняются с возрастом. Да нет, не то слово, они меняются, но не так, как все нормальные люди, которые естественным образом переходят из детства в юность, из юности в зрелость и дальше... О том, что дальше, не хотелось думать, потому что это будто бы каким-то образом касалось её, Ларисы, которая в последнее время вдруг стала вспоминать о возрасте.

Почему это одни умудряются с возрастом молодеть, другие как бы замирают на высокой единственной ноте, никак не меняясь, а третьи – идут себе и идут, ускоряя свой бег с годами. Несправедливость какая-то получается, те, кто молодеют или замирают, как засушенные в полёте бабочки со своей законсервированной красотой, будто бы каким-то образом продлевают себе жизнь, ведь если ты равномерно стареешь, то и жизнь естественным чередом движется к своему финалу. А моложавые чисто внешне люди и живут по-прежнему молодо, не соблюдая правил возраста, продлевая себе молодость, зрелость, а ведь только на этом отрезке времени и можно жить. То, что было за гранью пенсии, представлялось Ларисе почти что концом существования.

Вот потому и появилась в тайных уголках её души лёгкая зависть к молодеющим кинодивам, ведь сама Лариса была женщиной обычной, шагающей по жизни неизбежно как положено. В свои сорок выглядела она на сорок, ну, может быть, на тридцать девять – цифра, на которой ей вдруг захотелось остановиться. Раньше не хотелось, да просто не думалось об этом, а в день, когда исполнилось сорок, она решила, что отныне ей всегда будет только тридцать девять.

Честно говоря, ощущала она себя на тридцать. Так уж вышло, что с замужеством не случилось, но быть одинокой она не могла и разумно решила взрастить своё подобие от умного и красивого человека. Оказалось, что это не очень сложно, и в канун сорокалетия на свет появилась Дашутка – Дарёнка, подаренная Ларе талантливым и милым интеллигентом, имеющим прочную семью, собаку и дачу. Ни на что из благ Лариса не претендовала и порвала отношения с другом, как только узнала, что ждёт ребёнка.

Общение с юными мамами в поликлинике и на бульваре ставило её будто бы на одну ступень с ними, и Лариса ощущала себя такой же юной, начинающей жизнь женщиной, забывшей о возрасте, делах, работе, которая совсем недавно была для неё главной в жизни, которая отнимала не только время, силы и душу, но как бы ускоряла саму жизнь. Вместе со своими пациентами она проживала за день не только свою, но и их жизни, брала на себя их боли, страхи, проблемы.

Наверное, с таким характером, как у неё, нельзя было быть врачом. Нельзя воспринимать страдания каждого, как свои. Ей не раз говорили, что всё это до поры-до времени, что она сломается, не выдержит и либо уйдёт из медицины, либо зачерствеет, остынет и станет, как другие, равнодушной. Не зря ведь многие врачи-мужчины запивают, другие уходят в коммерцию, в науку. Мужики, как известно, слабее. Однако, она не остыла и даже сейчас, сидя в декретном отпуске, с волнением вспоминала своих Ванюшек, Маринок и Танечек, таких беспомощных без её поддержки.

Наверное, потому раньше и не замечала прожитых лет, морщинок, немодных юбок и каблучков, выбор которых основывался только на принципе удобства. И вдруг сейчас, когда время остановилось, она увидела со стороны себя и других, ухоженных и моложавых. Закрадывалась мысль, что быть моложавой не трудно, должно быть, за спиной богатого супермена, вкладывающего деньги в жену – в пластику, косметику, наряды, но поскольку ей на это рассчитывать не приходилось, думалось, что всё, данное кому-то – внешность, длинные ноги, суперменистые

мужья – это просто судьба. А её, Ларисина судьба – это орущий весь день и до боли любимый комочек, едва ещё похожий на человека. И больше сегодня, вроде бы, ничего не надо.

Правда, в какие-то совсем уж расслабленные минуты в связке с мыслями о судьбе вспоминалось нечто давнее и единственное, чем-то светлым и тёплым заливавшее душу, почти забытое и всё же незабываемое никогда.

Сколько лет прошло? Когда она смотрела фильмы, в которых люди расставались лет на десять, а потом не узнавали друг друга, она удивлялась – как может быть такое? Не изменяются люди так сильно за такое короткое время. Да и в любом случае невозможно не узнать того, кого любил, кого знал до мельчайшей чёрточки, до родинки на запястье, до оспинки над левым виском. Ей казалось, что встретить она сейчас того, кого любила двадцать лет назад, она узнала бы его моментально по походке, по голосу, по тому неуловимому, что было только у него – взгляд ли быстрый через плечо, седая ли прядка в русой тогда шевелюре, жест, уверенный и красивый, когда, рассказывал что-то и помогал себе руками. Так не бывает, чтоб не узнать.

А зачем ей собственно его узнавать? Зрелость скоро потихонечку перекохнет через очередную рубеж, и ничего уже не будет нужно. Ровесники её снова гуляют парами – дети выросли, кто-то завёл вторую семью и опять идиллия. Но это не для неё. Жгучие брюнетки стареют быстро. И даже если яркие глаза и голос не изменились и всё ещё молоды, ей уже сорок и это всё.

А у него, конечно же, семья, карьера, друзья. Как глупо всё случилось тогда. Как безоглядно откровенничала она с подругой Светкой о том, что влюбилась, что сделает всё, чтоб он ответил на её пока безответное чувство. И он провожал обеих до дома, поскольку были они соседки, и билеты в кино покупал на троих. И когда увидела в окошко, как шёл он в обнимку со Светкой поздним вечером, обмерла и поняла, уже тогда поняла, что судьба совершила ошибку.

Она и сегодня помнила день, когда впервые увидела его. День был солнечным. А как же могло быть иначе? Зима боролась с весной, звенели сосульки капелью, шли радостные, просветлённые люди. И деревья уже оживали, расправляли, напружинивали ветки, цепляясь за шапки прохожих в парке. Заглядевшись на мир, Лариса забывала нагнуться, и ветки тыкались набухшими почками в её воротник. Вдруг кто-то сзади незаметно сдёрнул с её головы вязаную шапку, и волосы, только вчера подкрашенные хной, рассыпались медным потоком по шубе. Даже сама увидела, как засветились, засияли под ярким солнцем рыжие нити.

Прохожие улыбались, а она с недоумением оглянулась. Шапка зацепилась за ветки и повисла на каком-то сучке, а сзади смеялся незнакомый парень. Пока снимала с ветки шапку, он обогнал её и исчез. А чуть позже, подходя к институту, она увидела его впереди. Он шёл и время от времени наклонялся, набирал в горсть снега, лепил снежок и шёл, подбрасывая его кверху до тех пор, пока снег не рассыпался. Потом снова лепил и снова бросал и был будто бы один в этом весеннем мире.

Где-нибудь через месяц или даже позже, друзья пригласили её в кафе. Как это бывает в студенческих компаниях, все были или знакомы, или не очень – из одного института, но с разных курсов, кто-то с кем-то учился раньше. И вдруг она снова увидела его. Он сидел за столом почти рядом с ней, был слегка под хмельком, и не понятно было – узнал он её или нет. Все шутили, смеялись, танцевали, а когда Лариса оказалась с ним рядом, неожиданно для себя сказала:

– Знаешь, я как-то шла по улице, а впереди шёл парень...

– И это был я, – продолжил он, – я кидал снежки и думал, подойти к тебе или нет.

Потом он провожал её до дома. И было им почему-то страшно весело. О чём они говорили? Смеялись всё время – это точно. Он твердил, что исполнит любое её желание. А она

просила достать луну, которая висела, кажется, над самой макушкой липы. И он полез за луной. Смешно... Присели на скамейку. Вечер, холодно, весна. А Лариса в лёгких туфельках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.